

Александр КАЗАНЦЕВ:

НАДО МЕЧТАТЬ!

КОСМИЧЕСКИЙ аппарат приземлился на широкой поляне, и из него вылез дуб. Да, именно дуб, дерево. Покачал ветками, что значит, по-видимому, огляделся, пошелестел листьями, что значит выразил свое восхищение увиденным. Но тут до его слуха донесся перестук топоров.

— Варвары! — воскликнул дуб, зашелестев листьями. — Газумные существа рубят на корню наших собратьев!

Дуб снова залез в свой аппарат, захлопнул крышку люка и улетел. А человечество лишилось возможности установить контакт с инопланетянами...

Такой вот рассказ принес однажды в редакцию автор, назвавший себя научным фантастом.

— Это невозможно, — сказали ему.

— В научной фантастике все возможно, — уверенно ответил он. — Ведь на других планетах...

Ох уж эти «другие планеты», из которых будто бы все может быть! Выдумал такой автор нечто, написал, что действие происходит на другой планете, прикрылся словом «фантастика» и ходит по редакциям, думая, что создал литературное произведение.

Но разве можно утверждать, что на фантастику не распространяются законы литературы?! Литература, даже фантастическая, как известно, — человековедение, а не «инопланетановедение». Приходится еще раз напомнить это принципиальное положение, ибо иным кажется, что фантастика не имеет ничего общего с реализмом — это нечто от «всеведения» и чуть ли не любой абсурд.

Казалось бы, о чем спор? Ну, выиграла авторская фантазия! Однако, как известно, любое литературное произведение связано с идеологией.

С этой темой и начался наш разговор с Александром Петровичем Казанцевым, старейшиной советской фантастики, лауреатом международной премии Все-европейского конгресса фантастов.

— Я вполне согласен, — говорит он, — что научная фантастика сегодня любима читателями всех возрастов. Но в то же время, что греха таить, наряду с произведениями, которые будят творческое воображение, открывая перед читателями новые горизонты науки и техники, есть и досадные описки, когда фантастика в них перестает быть научной, когда иная безответственная выдумка литератора не имеет ничего общего с реальностью. Совсем иной была фантастика Циолковского. А Иван Ефремов, писатель и ученый? Опираясь на науку в своем творчестве, он в то же время помогал ученым в поисках нового. Достаточно

вспомнить члена-корреспондента Академии наук СССР Денисюка, признавшего, что он изобрел метод голографии под впечатлением от прочитанного рассказа Ефремова «Тень минувшего». А якутские алмазы, на поиски которых призвал его же рассказ «Алмазная труба»? Оправдался прогноз и Алексея Толстого в «Гиперболоиде инженера Гарина», фактически предсказавшего «лазер». Сам по себе так и напрашивается вывод, что, когда писатель-фантаст идет от правды жизни, верно представляет себе тенденции развития науки и техники, общества, его книги становятся как бы провидящими будущего.

И в связи с этим должен сделать упрек в адрес тех литературных критиков, которые упорно стараются отделить научную фантастику от науки якобы потому, что между художественной литературой и наукой — непреодолимый барьер и вроде бы чем меньше научности, тем больше художественности. Исходя из этого ложного принципа, они договариваются до того, что, мол, и Жюль Верн сегодня безнадежно устарел. Вряд ли с этим согласятся миллионы читателей таланта замечательного писателя, классика мировой фантастики!..

— Александр Петрович, я невольно вспомнил сейчас вашу повесть о часах, переведенных на семьдесят пять лет назад, названную «Пунктиром воспоминаний». Мне кажется, что в ней существуют параллели между тем, что делали в жизни и что писали, посвятив фантастике почти полвека.

— Действительно это так. Ведь я пришел в фантастику из техники, из науки. Я писал о том, что нам пока не удавалось создать в лабораториях, но что может стать реальностью завтра.

— В связи с этим хотелось бы, чтобы вы рассказали, как создавался ваш роман «Арктический мост», который выдержал уже несколько переизданий.

— В 1939 году мне, тогда инженеру, привелось принимать участие в создании советского павильона на Нью-Йоркской международной выставке «Мир завтра». Именно там и родилась идея «Арктического моста» — «моста дружбы» между американским и советским народами. Технической основой романа была идея сооружения фантастического подводного плавающего туннеля, соединяющего подо льдами Арктики по прямой линии через Северный полюс СССР и Америку. Такую идею подсажали мне перелеты наших славных летчиков Чкалова и Громова. И писал я это, в общем-то фантастическое произведение, отталкиваясь от ситуации тех дней.

Добавлю к этому сегодняшнее соображение: президенты приходят и уходят, а американский народ, трудолюбивый и многоликий, остается. И основные интересы и американского, и нашего народов, живущих на одной планете, совпадают. Жить рядом в мире и даже в дружбе. Тогда и понадобятся «мосты» в прямом и в переносном смысле.

— Вспоминаю один из откликов на ваш роман «Сильнее времени», где был приведен подсчет профессора М. Протодьяконова, нашедшего в нем свыше ста возможных изобретений и открытий.

— Ну, может быть, Протодьяконов более пристрастен, чем я. Скажу одно, именно наши встречи с ним и его соратником И. Герловым обогатили два моих романа — «Сильнее времени» и «Мол Северный».

Важной была для меня встреча с американским физиком Лео Сцилардом, соратником Эйнштейна. Протестуя против использования достижений науки в целях войны, ученый, как известно, ушел из физики, став одним из основателей биофизики. Он и явился прототипом одного из героев моего антивоенного романа «Льды возвращаются». Как и все люди, я верю: новый «ледниковый период Земли» не сможет устоять перед волей народов мира.

— Александр Петрович, уж коли вы приоткрыли лабораторию писателя-фантаста, не могли бы вы рассказать о других встречах, например с Нильсом Бором или академиком Несмеяновым?

— В нашем разговоре я спросил Бора: может ли взрыв термоядерного устройства вызвать в свою очередь взрыв всех океанов планеты, уничтожить ее? Я имел в виду эпизод из космогонии — гибель планеты Фаэтон, обломки которой остались в виде кольца астероидов. Маститый ученый ответил, что он «не исключает такой возможности, но, если бы это было и не так, все равно ядерное оружие надо запретить!» Вот этот ответ и послужил толчком для создания моей трилогии «Фаэты». Мне важно было напомнить читателям судьбу Фаэтона, которую не должна разделить Земля.

Не меньшее влияние оказала на меня встреча с выдающимся ученым, академиком А. Н. Несмеяновым. Он был уверен, что Земля в состоянии прокормить даже сотни миллиардов человек. Видел выход в том, что питательный белок можно получать не традиционным способом, а на микробиологическом уровне.

Я немало времени провел в лабораториях у А. Н. Несмеянова, и ученые доказали мне,

что уже сейчас есть реальная возможность приготовить из белка знакомые нам вкусные блюда. Эти встречи с учеными и позволили мне написать роман-мечту «Купол Надежды», посвятив его памяти А. Н. Несмеянова.

— И еще одна проблема, Александр Петрович. Сегодня научно-фантастическая литература стала ареной острейшей идеологической борьбы. В зарубежной фантастике есть немало «сенсационных» книг, проповедующих космические войны, схватки миров, происхождения космических суперменов и гангстеров, да и просто полных всякого рода чертовщины, нацеленной на то, чтобы отвлечь читателей подобным чтением от насущных проблем, волнующих мир.

— Я вполне согласен с вами. Хотя хотел бы в связи с этим привести и другой пример. Недавно в Москве побывал американский фантаст профессор Ганн. Он преподает фантастику и руководит ее изучением в двух тысячах колледжей! Так какую же фантастику там преподают и почему вдруг ей оказывается столь огромное внимание? Нет, не ту фантазмагорию, которой пичкают читателей буржуазная «поп-культура», а совсем иную фантастику, идею которой профессор Ганн хотел бы патентовать, поскольку они обогащают науку. Фантастику, так сказать, рассчитанную на создание научно-технической элиты американского общества, которая завтра пойдет на обслуживание монополий, корпораций, научным центрам, имеющим цели, порой весьма далекие от гуманизма. А всякого рода «космические» триллеры, чертовщина и мистика, «безобидные» сказочки об инопланетянах и прочая псевдофантастика — все это служит обольщению «прочих масс».

Я далек от отрицания какого-либо из направлений фантастики. Пусть будет и юмор, и сказка. Но надо видеть наше главное направление.

Говорю об этом, думая о тех писателях, кто порой ищет «свое лицо» в подражании иным западным образцам фантастики. А для того чтобы наша научно-фантастическая литература развивалась в духе времени, нельзя замазывать или не видеть ее успехов, как нельзя и закрывать глаза на ее огрехи.

...Хорошие книги учат мечтать. А соединяя мечту с делом, человек приближает ту реальность нового коммунистического мира, о которой мечтали лучшие умы человечества. И поэтому, как сказано в песне: надо, надо мечтать!

Записал Ю. ПЕРЕСУБКО.